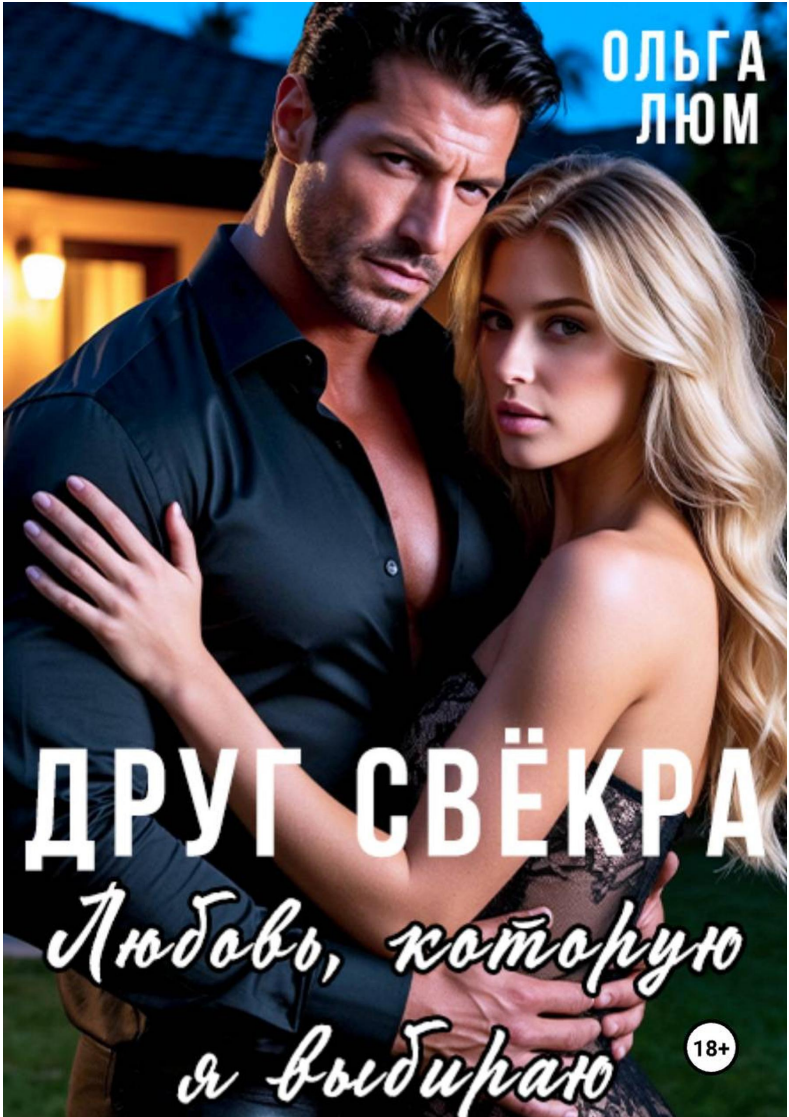

ОЛЬГА
ЛЮМ
ДРУГ СВЁКРА
Любовь, которую
я выбираю
18+

Ольга Люм

Друг свёкра. Любовь, которую я выбираю

https://litres.ru/74707238
SelfPub; 2026

Аннотация

Я просто спросила мужа, как прошёл его день. В ответ он накричал, наговорил гадостей, отодвинул меня плечом и ушёл ночевать к родителям.

Я осталась одна в пустой квартире, и его взглядом перед глазами — холодным, чужим, уничтожающим.

Я поняла, что больше не хочу жить в страхе, не хочу подбирать слова, не хочу быть мышкой в собственном доме.

Я не знаю, что будет дальше, но я точно знаю одно: возврата к прошлому не будет.

От автора: ХЭ

Очень эмоционально

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Друг свёкра. Любовь, которую я выбираю

Глава 1

Я до сих пор сижу на том же месте — на краю нашего дивана, который мы так тщательно выбирали три месяца назад. Тогда он ещё смеялся, говорил, что я невыносима, потому что перемерила все оттенки серого в мире, но выбрали идеальный. Сейчас этот идеальный серый цвет кажется мне цветом остывшего пепла.

Дверь хлопнула так, что в прихожей звякнули ключи в фарфоровой чашке. Я вздрогнула, но даже не обернулась. Не потому, что гордая. Просто если я сейчас поверну голову и увижу, что его ботинок больше нет на коврике, я, кажется, рассыплюсь на мелкие кусочки, которые невозможно будет собрать обратно.

А ведь всё началось с самого невинного вопроса.

Он пришёл с работы на полчаса позже обычного. Не критично, не смертельно. Но я же его жена, я же чувствую. Он не звонил. Я слышала, как ключ поворачивается в замке, и уже по тому, как он это сделал — резко, с каким-то металлическим скрежетом, — я поняла: что-то не так. Он переступил порог, бросил портфель на пол, даже не попав на тумбочку, и

прошёл сразу на кухню. Не поцеловал меня в щёку, не спросил, как прошёл мой день. Я шла за ним по пятам, чувствуя себя маленькой назойливой тенью.

— Ты голоден? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. Я приготовила его любимый суп с фрикадельками, с тем самым мелко рубленным укропом, который он так любит. — Я разогрею.

— Не хочу, — бросил он, даже не взглянув в сторону плиты. Он просто налил себе стакан воды, выпил его залпом, и я увидела, как ходит ходуном его кадык.

Я замерла у дверного косяка. Я знала это его состояние: тяжёлое, давящее молчание, когда он уходит в себя, как в подводную лодку, и захлопывает за собой все люки. Раньше я стала бы ждать. Сидеть тихо, как мышка, и не дышать, пока он сам не вынырнет. Но сегодня во мне что-то воспротивилось. Мне надоело быть мышкой. Я просто хотела понять. Я не лезла в душу с расспросами, я спросила самое нейтральное, что могла придумать:

— Что-то случилось? У тебя был трудный день?

Вот здесь и начался ад.

Он медленно поставил стакан на стол. Поставил так, что стекло глухо стукнуло о деревянную столешницу, и этот звук был похож на выстрел стартера. Он повернулся ко мне, и я увидела его глаза — потемневшие, сжатые в щелочки, с каким-то бешеным блеском, который не сулил ничего хорошего.

— Что случилось? — передразнил он меня неестественно высоким, гнусавым голосом. Он никогда так не разговаривал. Это была какая-то чудовищная пародия на меня, от которой у меня свело живот. — Случилось то, что я уже не могу находиться в этом доме! Где за каждым моим шагом следят! Где я не могу просто войти, чтобы меня не начали допрашивать с пристрастием!

Я опешила. Я открыла рот, чтобы сказать, что это был не допрос, что я просто волновалась, просто любила и хотела убедиться, что с ним всё в порядке. Но он не дал мне и слова вставить.

— Тебе лишь бы наехать на меня, — продолжал он, и его голос становился всё громче, заполняя собой маленькое пространство кухни. — Вечно ты с этими вопросами! «Как дела?», «Что сказал начальник?», «Почему ты так смотришь?». Я чувствую себя под микроскопом!

— Я просто спросила, как прошёл день, — мой голос предательски дрогнул. Я сложила руки на груди, пытаясь защититься, но это выглядело так, будто я сжимаю себя, чтобы не развалиться. — Разве это преступление?

— Это давление! — рявкнул он, и я отшатнулась. Я физически отшатнулась, упершись спиной в косяк. — Ты всегда делаешь вид, что ты такая заботливая, но на самом деле ты просто проверяешь, не делаю ли я что-то не так! Контроль! Тотальный контроль!

— Как ты можешь так говорить? — прошептала я. Слёзы

уже подступили к горлу, но я сдерживала их из последних сил. Я знала, что если они польются, он назовет это истерикой и манипуляцией. Я закусила губу изнутри так сильно, что почувствовала солёный привкус крови. — Я не контролирую тебя. Я… я просто хочу быть частью твоей жизни.

— Ну так перестань! — заорал он, и в этот момент я увидела перед собой не того мужчину, за которого выходила замуж. Я видела чужого, озлобленного человека, который смотрел на меня с такой ненавистью, будто я была его заклятым врагом. — Тошно уже! Своей фальшивой заботой тошно! Ты как сиделка, честное слово!

Он говорил гадости. Он говорил их намеренно, рубящими фразами, словно рубил дрова. Я вспомнила, как ещё вчера он просил меня погладить именно эту его тёмно-синюю рубашку, которую сейчас носил, и я прогладила каждый шов, представляя, как он будет в ней красиво выглядеть. А сегодня он стоял в ней и говорил, что ему «тошно».

Он прошёлся по кухне, задел рукой стул, и тот с грохотом отлетел к стене. Я сжалась.

— Знаешь что? — Он остановился, тяжело дыша, и я увидела, как вздуваются вены на его шее. — Я не хочу сегодня здесь находиться. Я ухожу. Переночую у родителей.

Эти слова упали между нами, как бетонная плита. У родителей. Он уходит к маме. Он выбрал маму вместо того, чтобы остаться и поговорить, вместо того, чтобы сказать: «Извини, я сорвался, у меня был ужасный день». Нет. Он выбрал путь

самого сильного унижения для меня — уйти и оставить меня одну в этой идеально убранной квартире, с остывающим супом на плите, с недопитой кружкой чая, с разбитым сердцем.

Глава 2

— Илья, не надо, — выдавила я. Голос сел, я говорила почти шёпотом, глядя на его широкую спину. — Давай просто успокоимся. Я сделаю чай…

— Чай? — Он резко развернулся, и я увидела, как его лицо исказила злая, жестокая усмешка. — Чай будешь пить одна. Ты всегда хотела быть одна, чтобы никто не мешал тебе заниматься своими манипуляциями. Вот и побудешь.

Он вышел в коридор. Я шла за ним, как заколдованная, не чувствуя ног. Босиком по холодному полу. Я смотрела на его спину, на то, как он нервно, не попадая в рукава, натягивает пальто.

— Илья, пожалуйста, не уходи, — последняя попытка. Я стояла в проходе, пытаясь преградить ему путь, но чувствуя себя при этом такой маленькой и жалкой, что мне захотелось провалиться сквозь землю.

Он посмотрел на меня сверху вниз. Взглядом. Этим самым «мужским взглядом», о котором пишут в книгах, но не в романтическом смысле, а в самом страшном. Взглядом, который говорит: «Ты для меня пустое место». В нём не было ни капли жалости, ни сожаления, ни любви. Только холодная, стальная решимость сделать мне больнее.

— Отойди, — сказал он тихо, и эта тишина была страшнее крика.

Я не отошла. Я стояла, надеясь, что он увидит мои глаза, полные слёз, которые я уже не могла сдерживать, что он вспомнит, как целовал меня в это самое утро, перед тем как убежать на работу. Но он просто взял меня за плечо — больно, пальцами вдавившись в кость — и отодвинул в сторону, как неодушевлённый предмет, как стул, который мешал проходу.

Я пошатнулась и прижалась спиной к стене в прихожей. Холодная штукатурка обожгла спину сквозь тонкую футболку.

Он взял ключи. Я смотрела на его руки, на то, как они сжимают связку. Дверь открылась, впуская сквозняк из подъезда — сырой, холодный воздух, который моментально проник в наше тёплое гнездо.

Он перешагнул порог.

— Не звони мне сегодня, — бросил он, даже не обернувшись. — И маме не звони. Не позорься.

А потом он посмотрел на меня. В последний раз. Тем самым взглядом. Взглядом победителя в этой ссоре, взглядом человека, который только что продемонстрировал свою силу, свою независимость, свою правоту. Он смотрел на меня так, будто я была ничтожной букашкой, которая посмела встать у него на пути. И в этом взгляде не было меня. Не было нас. Была только его злость и его ледяное превосходство.

Дверь захлопнулась. Щёлкнул замок.

Я стояла, прижавшись к стене, и смотрела на закрытую

дверь. Мои губы дрожали. Я медленно сползла вниз, села на холодный пол, обхватив колени руками. Вся квартира наполнилась оглушительной, неестественной тишиной. Перестали тикать настенные часы? Нет, это просто моё сердце билось так громко, что заглушало всё вокруг.

Я смотрела на его тапки, которые аккуратно стояли на коврике. Смешные, серые, с заячьими ушами, которые я ему купила на прошлый Новый год. Они стояли пустые, и этот вид был самым жалким и одиноким зрелищем в моей жизни.

Я дала волю слезам, и плакала не от того, что он ушёл. И не от тех гадостей, которые он наговорил. Я плакала от того взгляда. Тем взглядом, которым он наградил меня на прощание, он уничтожил во мне что-то важное. Что-то, что верило, что я — его дом. Оказалось, я не дом. Я просто мебель, которую можно отодвинуть с дороги, когда она мешает.

Я не помню, как перебралась с пола на диван.

Это случилось само собой, как будто моё тело, уставшее сжиматься в комок на холодной плитке, само потащило меня к чему-то мягкому. Я сижу, поджав под себя ноги, и смотрю в одну точку — на пульт от телевизора, который остался лежать на журнальном столике с утра. Мы смотрели утренний выпуск новостей, пили кофе, и он смеялся над ведущим, который оговорился. Кажется, это было в другой жизни. В той, где ещё существовало «мы».

Часы на кухне показывают без пятнадцати одиннадцать. Он ушёл два часа назад. Два часа. Это одновременно и веч-

ность, и одно мгновение. Я всё ещё слышу звук захлопнувшейся двери. Он въелся в барабанные перепонки, зациклился, как заевшая пластинка. Хлоп. Тишина. Хлоп. Тишина.

Я обхватываю себя руками за плечи и тру кожу, пытаясь согреться. В квартире двадцать три градуса, батареи горячие, но меня трясёт так, будто я стою на морозе в одной футболке. Зубы выбивают дробь, хотя я уже давно перестала плакать. Слёзы кончились. Осталась только сухая, колючая дрожь, которая пробирает до самых костей.

Телефон лежит рядом на диване экраном вниз. Я перевернула его, чтобы не видеть уведомлений, чтобы не ловить себя на мысли, что сейчас высветится его имя. Я знаю, что не высветится. Он сказал не звонить. Он сказал не позориться. Он сказал… Я зажмуриваюсь, пытаясь стереть из памяти его последние слова, но они въелись, как осколки стекла.

Я прокручиваю в голове наш разговор снова и снова. С того самого момента, как я спросила: «Что-то случилось?». Я ищу ту точку, ту секунду, тот мой неверный шаг, который превратил обычный вечер в катастрофу. Может, я спросила слишком мягко? Может, слишком настойчиво? Может, не надо было стоять в дверях, а надо было просто подойти и обнять? Или, наоборот, надо было молчать и не приближаться?

Я перебираю варианты, как чётки, надеясь найти тот единственный, правильный, который оставил бы его дома. Но каждый раз я прихожу к одному и тому же пугающему выводу: не было правильного варианта. Он хотел взорваться. Он

искал повод. И я, сама того не желая, протянула ему спичку.

От этой мысли становится ещё холоднее.

Глава 3

Я встаю с дивана и иду на кухню. Ноги ватные, не слушаются. Прохожу мимо зеркала в прихожей и краем глаза ловлю своё отражение. Я останавливаюсь. Смотрю на девушку в зеркале — растерянную, бледную, с опухшими веками и растрёпанными волосами, которые я ещё утром укладывала щипцами, чтобы быть красивой к его приходу.

В горле встает ком. Я сглатываю, с трудом проталкивая эту колючую глыбу, и отворачиваюсь от зеркала. Не хочу на себя смотреть. Не хочу видеть ту, которую так легко можно было отодвинуть в сторону, как ненужную вещь.

Комната плывет перед глазами, от усталости, которая навалилась внезапно, как бетонная плита.

Мою посуду. Мою долго, тщательно, с мылом, с губкой, драю каждую тарелку, каждую вилку, хотя они и так были чистыми. Мне нужно чем-то занять руки. Нужно заткнуть ту дыру в груди, которая пульсирует и не даёт дышать полной грудью.

Я убираю кухню, вытираю стол, ставлю на место стакан, из которого он пил. Я долго держу его в руках, рассматривая отпечатки его пальцев на стекле. Потом всё-таки мою и его. Иду в спальню.

Я ложусь на свою сторону и смотрю на его подушку. Она хранит его запах — тот самый, от которого я всегда сходила

с ума. Смесь парфюма, табака и чего-то своего, только его, родного.

Я протягиваю руку и касаюсь его подушки. Поглаживаю наволочку, как будто глажу его по голове. И в этот момент меня накрывает новая волна. Не истерики, нет. Тихой, глубокой, бездонной тоски.

Я понимаю, что он не вернётся сегодня. Я понимаю, что сейчас он у родителей. Его мать, наверное, суетится вокруг него, заваривает ему чай с мятой, которую она считает лекарством от всех болезней, гладит его по голове и приговаривает: «Ну что, сынок, что она тебе сделала?» И он говорит. Я знаю, что он говорит. Он рассказывает, как я его «достала», как я «контролирую», как я «лезу не в своё дело». Он выворачивает наш разговор наизнанку, представляет себя жертвой моей назойливой любви. И она верит ему. Потому что она его мать. Потому что я для неё всегда была невесткой, которая отняла сына.

Я закрываю глаза, и пытаюсь понять, где я ошиблась.

Но я не ошиблась. Я знаю это. Где-то глубоко, под слоем боли, унижения и страха, живёт маленькая, упрямая мысль: я не сделала ничего плохого. Я спросила мужа о его дне. Я предложила поесть. Я хотела быть рядом. Это не преступление. Это не повод, чтобы на меня кричали, чтобы меня оскорбляли, чтобы меня отодвигали плечом, как надоевшую собаку.

Эта мысль такая тонкая, такая слабая, что я боюсь её спуг-

нуть. Но она есть. Она тлеет где-то в солнечном сплетении, и я пытаюсь раздуть из неё огонь. Потому что если я поверю ему, если я соглашусь, что я — «тошная сиделка» и «контролёрша», то я потеряю себя окончательно.

Я открываю глаза и смотрю в потолок. На нём есть маленькая трещина, которую мы заметили еще при въезде, но так и не заделали. Я смотрю на эту трещину и думаю о том, что в нашем браке, наверное, тоже была трещина. Мы просто не замечали её, пока сегодня она не разверзлась в пропасть.

Я выключаю свет на тумбочке. Комната погружается в темноту, и только свет фонарей из окна рисует на стене причудливые тени. Я натягиваю одеяло до подбородка, сворачиваюсь калачиком на своей стороне кровати.

Я не знаю, вернётся ли он завтра. Я не знаю, захочу ли я его видеть, если он вернётся. Я не знаю, как жить дальше с этим ледяным взглядом перед глазами. Я не знаю ровным счётом ничего.

Я знаю только, что сейчас четыре часа утра, я одна в пустой квартире, и где-то там, за стеной, продолжается чужая жизнь. А моя остановилась. Замерла в той секунде, когда дверь захлопнулась за его спиной.

Я закрываю глаза и позволяю себе провалиться в сон — тяжёлый, чёрный, без сновидений.

Я просыпаюсь от того, что кто-то сверлит мне затылок. Это ощущение — липкое, тревожное — вытаскивает меня из чёрной бездны сна. Секунду я лежу с закрытыми глазами,

чувствуя под щекой наволочку, и мне кажется, что всё по-прежнему. Что сейчас раздадутся его шаги в коридоре, звякнет чашка, и он войдет в спальню с чашкой кофе, сонный, взъерошенный, и скажет: «Доброе утро».

Но тишина, которая встречает меня, когда я открываю глаза, — неправильная. Она слишком плотная, слишком тяжёлая. Я поворачиваю голову и смотрю на его сторону кровати. Пусто.

Он не вернулся.

Эта мысль бьёт наотмашь, разгоняя остатки сна. Я сажусь на кровати, и голова идёт кругом. За окном серое, мутное утро. Небо затянуто плотной пеленой, и кажется, что даже солнце не хочет светить в этот день.

Я смотрю на телефон. Экран чёрный, без единого уведомления. Я беру его дрожащими пальцами, нажимаю на кнопку — 7:43. Ни звонков, ни сообщений. Ничего.

Я прокручиваю список контактов, сама не зная, что ищу. Его имя — Илья — выделяется жирным шрифтом. Палец зависает над ним, и сердце начинает колотиться где-то в горле, частыми, хаотичными ударами. Позвонить? Сказать, что я люблю? Попросить вернуться? Умолять?

Его слова из вчерашнего вечера всплывают в памяти с пугающей четкостью: «Не звони мне сегодня. И маме не звони. Не позорься».

Я убираю палец. Не сейчас. Не ему.

Я откидываюсь на подушку и смотрю в потолок, на ту са-

мую трещину, которую разглядывала ночью. В утреннем свете она кажется больше, глубже. Как и трещина в моей жизни. Я провожу по ней взглядом от края до края и вдруг понимаю одну простую, страшную вещь.

Я не хочу так больше жить.

Эта мысль приходит тихо, спокойно, почти деловито. Садится рядом со мной на кровать, как давно забытая, но верная подруга. Я не хочу так больше жить. Не хочу гадать, в каком настроении он придёт с работы. Не хочу подбирать слова, чтобы не вызывать его гнев. Не хочу чувствовать себя мышкой в своей собственной квартире. Не хочу смотреть в его глаза и видеть там лёд.

Я закрываю лицо руками и сижу так несколько минут. Дыхание выравнивается. Мысли, которые ещё минуту назад метались, как загнанные звери, начинают укладываться в ровные, спокойные ряды. Надо что-то делать. Не ждать. Не сидеть сложа руки. Не надеяться, что он вернётся и всё само собой рассосётся. Надо что-то делать.

Я опускаю руки и снова смотрю на телефон.

В голову приходит имя. То, которое всегда было для меня тихой гаванью в этой семье.

Александр Петрович. Свёкор.

Я вспоминаю его лицо — спокойное, с мягкими морщинами вокруг глаз, с сединой на висках. Он всегда отличался от своей жены. Если свекровь смотрела на меня оценивающе, придирчиво, ища изъяны, то он… он просто смотрел. С

интересом. С теплотой. Он никогда не лез в наши отношения с Ильёй, но я знала: если что-то случалось, я могу позвонить ему. Он не будет кричать, не будет обвинять. Он выслушает.

Однажды, ещё в первый год нашей семейной жизни, когда мы с Ильёй сильно поругались из-за какой-то ерунды, и я плакала на кухне, свёкор зашёл к нам, сделал вид, что принёс ключи, которые забыл, увидел моё лицо, молча сел напротив и сказал: «Он горячий, но отходчивый. Дай ему время. А если станет совсем тяжело — звони. Я помогу». Он не уточнял, чем поможет. Но в его голосе было столько уверенности, что я поверила.

С тех пор я ни разу не звонила. До сегодняшнего дня.

Глава 4

Я смотрю на часы. Почти восемь. Он встает рано, я знаю. Сейчас он, наверное, пьёт чай на кухне, читает газету или смотрит новости по телевизору. А где-то там, в другой комнате, спит его сын после ночи, полной обвинений в мой адрес.

Меня накрывает волна стыда. Что я скажу? Как объясню, почему звоню ему, а не собственному мужу? Не выставлю ли я себя жалкой, навязчивой невесткой, которая бежит жаловаться к папочке?

Но другая мысль — та, что проснулась во мне сегодня утром вместе с решением что-то менять — говорит громче. Ты не жалуешься. Ты хочешь узнать. Узнать, как там дела. Узнать, в каком он настроении. Это не жалоба. Это разведка. Это попытка понять, что происходит.

Я беру телефон, нахожу в контактах «Александр Петрович» и несколько секунд смотрю на экран. Палец дрожит над кнопкой вызова. Я делаю глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и нажимаю.

Гудки. Длинные, тягучие. Один. Два. Три. Сердце колотится где-то в ушах. Мне кажется, что сейчас сбросят. Что он не возьмёт трубку, потому что они все там против меня. Потому что они — семья, а я — чужая, пришлая, которую терпят только ради сына.

— Алло?

Его голос — низкий, чуть хрипловатый, но спокойный — ударяет по ушам, и я на секунду теряю дар речи. Я не подготовилась. Я не продумала первые слова. Я сжимаю телефон так сильно, что пальцы белеют, и открываю рот, но из горла вырывается только какой-то сдавленный звук.

— Слушаю, — говорит он с лёгким недоумением. — Кто это?

Я кашляю, прочищая горло, и выдавливаю из себя:

— Александр Петрович, это… это Лида. Здравствуйте.

Наступает пауза. Короткая, но мне она кажется вечностью. Я слышу его дыхание. Он молчит, и я не понимаю, удивился он или, наоборот, ждал этого звонка.

— Лидочка, — наконец говорит он, и в его голосе появляется что-то, чего я не могу распознать. То ли усталость, то ли сожаление. — Здравствуй, дочка.

«Дочка». Он назвал меня дочкой. В горле встает ком, и я зажмуриваюсь, чтобы не разреветься.

— Я… — начинаю я и замолкаю. Слова путаются, разбегаются, прячутся. Я не знаю, с чего начать. Спросить прямо: «Как там Илья?» Или сделать вид, что звоню просто так, по делу? Но у нас с ним нет дел. Мы не созваниваемся просто так. Он знает это. Я знаю это. Притворяться бессмысленно.

— Ты по поводу Ильи? — мягко спрашивает он, выручая меня из неловкости.

Я выдыхаю. Ну вот. Всё проще, чем я думала. Он знает.

Конечно, он знает. Сын пришёл среди ночи, злой, взвинченный, с портфелем и без объяснений. Такое не скроешь.

— Да, — тихо говорю я. — Я хотела узнать… как у вас там дела. И его настроение.

Я говорю осторожно, боясь сказать лишнего, боясь показаться навязчивой. Но свёкор молчит, и я продолжаю:

— Он вчера… он очень разозлился. Я просто спросила, как прошёл день, а он… — голос предательски дрожит, и я замолкаю, боясь расплакаться прямо в трубку.

— Знаю, Лида, — говорит Александр Петрович, и в его голосе я слышу усталый вздох. — Он пришёл в двенадцатом часу. Злой, как чёрт. Ничего не объяснил, прошёл в комнату, закрылся. Мать его, конечно, суетилась, чай таскала, расспрашивала… Он нагрубил ей. Сказал, чтобы отстали.

Я открываю рот. Он нагрубил матери? Илья? Тот самый Илья, который всегда говорил: «Мама для меня святое»? Я не могу в это поверить. Но Александр Петрович не стал бы врать.

— Сейчас он спит ещё, — продолжает свёкор. — Я к нему не лез. Пусть выспится, остынет. А ты как? Как сама-то?

Этот простой вопрос — «как сама-то» — добивает меня окончательно. Слёзы, которые я сдерживала, прорываются наружу, и я зажимаю рот рукой, чтобы он не услышал всхлипов. Но он слышит. Он всё слышит.

— Плачешь? — спрашивает он, и в голосе появляется тревога. — Лида, ты не плачь. Не надо.

— Я не плачу, — вру я, вытирая щёки дрожащей рукой. — Я просто… я волнуюсь. Он сказал такие слова вчера… Я не знаю, что мне теперь делать.

Александр Петрович молчит несколько секунд. Я слышу, как он отодвигает стул, как шуршит газета. Он собирается с мыслями. Я знаю эту его привычку — прежде чем сказать что-то важное, он делает паузу, собирает слова, взвешивает каждое.

— Слушай меня, Лида, — наконец говорит он, и его голос становится твёрдым, почти командирским. — Я не знаю, что там у вас случилось. Не хочу знать, если честно. Вы взрослые люди, сами разберётесь. Но я знаю одно: Илья вчера был не в себе. Я таким его давно не видел. И не потому, что ты ему что-то сделала. А потому, что у него накопилось. На работе, наверное, или ещё где… он не говорит. Он вообще говорить не умеет, мой сын. Злится, молчит, а потом взрывается.

Я слушаю, затаив дыхание. Он говорит то, что я чувствовала, но не могла сформулировать.

— Ты ему не враг, — продолжает свёкор. — Ты его жена. И если он этого не понимает, то… — он вздыхает, и в этом вздохе мне слышится что-то, похожее на горечь. — То это его проблема. А ты… ты держись. Не беги за ним. Не умоляй. Он сам должен остыть и прийти.

— А если не придёт? — шепчу я в трубку.

— Придёт, — отвечает он уверенно. — Куда он денется. Ты его жена. Он тебя любит. Просто… бывает, что любовь

прячется под злостью. Но это не значит, что её нет.

Я закрываю глаза и представляю его лицо. Спокойное, с мягкими морщинами. Свёкор всегда был моим союзником, даже не зная об этом. Он не лез, не советовал, не осуждал. Он просто был рядом. И сейчас он говорит мне то, что я должна услышать: не унижайся. Не проси. Жди.

— Спасибо, — выдыхаю я, чувствуя, как напряжение начинает понемногу отпускать. — Спасибо вам.

— Не за что, дочка, — отвечает он. — Ты только не кисни. Позавтракай нормально, чай попей. И не сиди дома. Выйди, проветрись. Сходи в магазин, в парк. Не замыкайся.

Я киваю, хотя он меня не видит. Киваю и понимаю, что он прав. Если я останусь в этой квартире, в этой тишине, с этой пустой кроватью, я сойду с ума.

— Александр Петрович, — говорю я, прежде чем он успевает попрощаться. — А он… он не говорил, надолго он к вам?

Свёкор молчит. Слишком долго молчит. И в этом молчании я слышу ответ, который мне не понравится.

— Не говорил, — наконец отвечает он. — Но я с ним поговорю. Когда проснётся. Не дам ему там сидеть, войну разводить. Ты моя невестка, я тебя в обиду не дам.

Последние слова он произносит с такой твёрдостью, что я почти верю: всё наладится. Почти.

— Спасибо, — повторяю я, и в голосе моём больше нет слёз. Есть усталость, есть надежда, есть маленькая, хрупкая

вера в то, что этот день принесёт что-то, кроме боли.

— Позвоню позже, — говорит он. — Ты только трубку бери. И не звони ему сегодня. Дай ему время. И себе дай.

— Хорошо, — отвечаю я. — Я поняла.

— Ну всё, дочка. Будь здорова.

— До свидания, Александр Петрович.

Я кладу трубку и несколько минут сижу неподвижно, глядя на погасший экран. В груди — странное, непривычное спокойствие. Не радость, нет. Но и не та ледяная пустота, которая была вчера. Что-то среднее. Тёплое. Живое.

Свёкор на моей стороне. Это много. Это не решает проблему, но это дает мне точку опоры. Он сказал: «Ты моя невестка, я тебя в обиду не дам». И я верю ему.

Я опускаю ноги на пол, встаю и иду в ванную. В зеркале — та же бледная, опухшая девушка, что и вчера. Но в глазах что-то изменилось. Или мне только кажется?

Я открываю кран, подставляю лицо под холодную воду и долго стою так, чувствуя, как ледяные струи возвращают меня к жизни. Потом вытираюсь, смотрю на себя и говорю вслух, в пустоту:

— Ты справишься. Ты должна.

Слова повисают в воздухе, и мне кажется, что стены нашей квартиры слышат их. И может быть, они запомнят этот момент — момент, когда я перестала быть жертвой и начала быть собой.

Я иду на кухню, ставлю чайник, достаю из холодильника

творог. Александр Петрович сказал позавтракать. Я позавтракаю. Не потому что хочу есть, а потому что надо. Потому что если я не начну заботиться о себе, то кто начнет?

За окном по-прежнему серо, но кажется, что тучи стали чуть светлее. Или мне опять кажется?

Я сижу на кухне, пью чай и смотрю на телефон, который лежит на столе экраном вверх. Я жду. Жду, когда во мне созреет окончательное понимание того, что я хочу делать дальше.

Потому что одно я знаю точно: возврата к прошлому не будет. К тому, как мы жили вчера, позавчера, месяц назад. Если он вернётся, всё будет по-другому. Если он не вернётся… тоже.

Я смотрю в окно и вижу, как по стеклу ползет первая капля дождя. За ним — вторая, третья. Начинается дождь. Мелкий, осенний, тоскливый. Но почему-то мне кажется, что это не слёзы неба, а его слёзы. И что где-то там, в доме родителей, Илья тоже смотрит в окно и думает о том же, о чём и я.

А может, я просто придумываю.

Глава 5

Он вернулся на третий день.

Я услышала ключ в замке за секунду до того, как дверь открылась. Этот звук — знакомый, родной — ударил по сердцу так, что я подскочила на диване, не успев даже понять, боюсь я или рада. Я сидела с чашкой чая, который давно остыл, и смотрела в ноутбук, не видя ни одной строчки. Три дня. Три дня тишины, три дня жизни в подвешенном состоянии, когда каждая минута тянулась резиной, а ночи были такими длинными, что я успевала прожить в своей голове сотню разных финалов.

И вот он здесь.

Дверь открылась, и он вошёл — в той же тёмно-синей рубашке, в которой ушёл, только теперь помятой и какой-то потерявшей форму. Как он сам. Он поставил портфель на тумбочку — на этот раз аккуратно, попал — и снял ботинки, даже не взглянув в мою сторону. Я смотрела на его руки, на то, как они привычно, автоматически развязывает шнурки, и чувствовала, как где-то в груди разгорается странный, чужой огонь. Не радость. Не облегчение. Что-то другое, чему я пока не могла подобрать имя.

— Привет, — сказал он буднично, словно вышел в магазин за хлебом, а не пропадал три дня после того, как разнёс нашу жизнь в щепки.

Я не ответила. Я просто смотрела на него, застыв на диване с холодной кружкой в руках.

Он прошёл на кухню, открыл холодильник, достал бутылку воды. Я слышала, как булькает жидкость в стакане, как он пьёт, как ставит стакан на стол. Всё те же звуки, что и всегда. Но сейчас они звучали фальшиво, как декорации в театре, которые вот-вот рухнут.

Он вернулся в комнату, прошёл мимо меня, плюхнулся в кресло и взял пульт от телевизора.

— Что поесть есть? — спросил он, переключая каналы.

Я смотрела на его профиль — на скулы, на небритость, на мешки под глазами, которых раньше не было, — и чувствовала, как внутри меня что-то закипает. Медленно, тяжело, как лава в вулкане, который молчал три дня, а теперь просыпается.

— Илья, — сказала я тихо.

Он не обернулся. Щёлк — канал поменялся. Щёлк — ещё один.

— Илья, — повторила я громче.

— Что? — Он всё ещё смотрел в телевизор, и в его голосе было то самое будничное раздражение, с которым он обычно реагировал на мои просьбы вынести мусор или починить кран.

Он делает вид, что ничего не было.

Эта мысль ударила меня наотмашь, и я вдруг поняла, что именно разгоралось у меня в груди всё это время. Не любовь.

Не прощение. Гнев. Тихий, холодный, наконец-то оформившийся гнев.

— Илья, посмотри на меня, — сказала я, ставя кружку на стол так, что она глухо стукнула о дерево.

Он повернул голову. В его глазах было недоумение, смешанное с той самой холодной отстранённостью, которая добила меня тогда, у двери. Но теперь я смотрела на него иначе. Не как испуганная жена, которая умоляет не уходить. А как человек, который три дня собирал себя по кусочкам и больше не готов рассыпаться.

— Ты ушёл посреди ночи, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Наговорил мне гадостей. Сказал, что я тошная сиделка, что я контролирую каждый твой шаг, что я тебе противна. Ты отодвинул меня плечом, как мебель. Три дня от тебя не было ни звонка, ни сообщения. И теперь ты приходишь, включаешь телевизор и спрашиваешь, что поесть?

Он поморщился, как от зубной боли, и отвёл глаза.

— Лид, давай без драмы, — бросил он, снова утыкаясь в экран. — Ну был тяжёлый день, ну сорвался. С кем не бывает. Я пришёл. Чего ещё?

— Чего ещё? — Мой голос дрогнул, но я не позволила себе заплакать. Я встала с дивана, подошла к нему вплотную и выключила телевизор пультом, который выхватила у него из рук. — Ты меня оскорбил. Ты меня унизил. Ты ушёл к маме, как маленький мальчик, вместо того чтобы поговорить.

И теперь ты делаешь вид, что ничего не случилось?

Он резко поднялся с кресла, и я сделала шаг назад, но не потому что испугалась. Я просто хотела видеть его лицо целиком.

— А что ты хочешь? — заорал он, и в его голосе снова появилась та самая злая, жестокая нотка. — Чтобы я на коленях ползал? Чтобы я три часа объяснял, почему я был не прав? Да, я был не прав! Я сорвался! Бывает! Но если ты сейчас начнёшь меня пилить, я снова уйду, и на этот раз надолго!

— Пилить? — Я рассмеялась — сухо, горько, совсем не весело. — Я прошу тебя просто признать, что ты сделал мне больно. Я прошу нормального разговора. Я хочу понять, что происходит! Ты приходишь, делаешь вид, что между нами всё хорошо, а между нами ничего не хорошо! Я три дня не спала! Я три дня сходила с ума в этой пустой квартире, гадая, вернёшься ты или нет! А ты…

— А я уставал! — перебил он, и его лицо исказилось от злости. — Я уставал на работе, я тащил на себе эту квартиру, твои вечные вопросы, твою заботу, от которой хочется выть! И вместо того чтобы просто оставить меня в покое, ты…

— Оставить в покое? — перебила я его, чувствуя, как голос срывается на крик. — Я твоя жена! Я спросила, как прошёл день! Это преступление? Это повод, чтобы назвать меня тошной сиделкой?

— Ах, не нравится? — Он усмехнулся, и в его глазах за-

горелся тот самый бешеный, опасный огонь. — Не нравится правда? Ну так слушай! Да, меня тошнит от твоей заботы! Меня тошнит от того, что ты лезешь в мою жизнь с этими дурацкими вопросами! Меня тошнит от тебя самой! Ты думаешь, я только с тобой так? Ты думаешь, я вообще хочу с тобой разговаривать после всего?

Я замерла. В воздухе повисла тишина — та самая, перед обрывом.

— После всего? — переспросила я тихо, медленно, чувствуя, как сердце уходит в пятки. — Что значит «после всего», Илья?

Он замер. Я видела, как его лицо меняется — гнев уступает место растерянности, растерянность — панике. Он понял, что сказал лишнее. Но было поздно.

— Ничего, — бросил он, отворачиваясь. — Забудь.

— Не забуду. — Я шагнула к нему, и он попятился, чего никогда раньше не делал. — Что значит «после всего», Илья? Что ты скрываешь?

— Лида, не начинай…

— Что ты скрываешь? — Я почти кричала, но в голосе моём уже не было гнева. Был только страх. Холодный, липкий страх, который полз по позвоночнику. — Илья, что ты наделал?

Он сжал челюсти, отвернулся к окну, и я смотрела на его спину, на напряжённые плечи, и вдруг, совершенно отчётливо, поняла. Не догадалась. Не предположила. Поняла. Всей

кожей, каждой клеткой, каждой бессонной ночью, проведённой в этой квартире.

— У тебя кто-то есть, — сказала я. Это не был вопрос. Это был приговор, который я вынесла себе сама, сама того не осознавая.

Он резко обернулся. В его глазах я увидела то, что искала три дня, — правду. Неприкрытую, уродливую, но правду.

— Давно? — спросила я, и голос мой был спокоен. Пугающе спокоен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.